

Вторая фаза («синтетическая») начинается с 90-х годов и характеризуется сильными антипозитивистским настроением. В это время расширяется критика позитивизма и эволюционизма, разворачиваются поиски специфики социального, создаются номиналистические концепции прогресса, на вооружение социологами берутся интроспекция и нормативизм. На третьей стадии в первое десятилетие XX века возникает неопозитивизм, толкующий социологию как науку о социальном поведении, понимаемом бихевиористски. Авторы, создающие теории прогресса, пытаются их эмпирически обосновать, опираясь на рефлексологию (физиологию) и статистику. Общей для всех этапов тенденцией было постепенное нарастание общего критического отношения к идее прогресса как таковой, являющейся оценочной [6]. Однако «вера в прогресс» продолжала оставаться вплоть до начала первой мировой войны достаточно глубокой и широко распространенной. В 1912 году в Риме состоялся очередной конгресс Международного института социологии, специально посвященный проблеме прогресса.

Выше показана лишь общая возможность логической и хронологической систематизации взглядов русских социологов XIX - начала XX вв. на проблему прогресса. Задача состоит в том, чтобы реализовать эту возможность и наполнить схему более конкретным содержанием.

Библиографический список

1. Сорокин П.А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб.3: Что такое прогресс? СПб., 1914; Он же. Главнейшие теории прогресса в социологии // Вестник знания. - 1911. № 9 и др.
2. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений / Предисл. А.О. Бороноева. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений/ пер. с англ., под ред. В.А.Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996
4. Сорокин П.А. К вопросу об эволюции и прогрессе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. – Т.7. Вып. 3, 1911.
5. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века / Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978.
6. Проказин В.В. Позитивистские теории прогресса в русской социологии XIX - начала XX вв.: Препринт. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2000.
7. Проказин В.В. Проблема прогресса в русской социологии XIX - начала XX вв.- Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006.
8. Проказин В.В. Либеральные теории прогресса в русской социологии XIX - начала XX вв. - Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006.

УДК 314.743(091)

Пронин Александр Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДО - И ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ

Аннотация: предложена оригинальная периодизация до- и послереволюционной эмиграции из России.

Ключевые слова: история России, эмиграция политическая, международная трудовая миграция, периодизация и хронология.

TO THE QUESTION OF THE HISTORY PERIODIZATION EMIGRATIONS FROM RUSSIA

Abstract: the original periodization to - and postrevolutionary emigration from Russia is offered.

Keywords: history of Russia, emigration political, international labor migration, periodization and chronology.

Согласно одному из определений, термин «эмиграция» означает добровольное или вынужденное переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое различными причинами. Период времени, в течение которого определенный поток эмиграции начинается, развивается и заканчивается, в историографии принято называть волной. Таким образом, период, по определению, охватывает законченный процесс. Периодизация как деление процессов развития эмиграции на основные, качественно отличающиеся друг от друга, этапы позволяет не только глубже познать сам этот феномен, но и, вскрыв порождающие его причины, лучше и всестороннее изучить соответствующие ему периоды эволюции общества и государства.

Волны эмиграции можно назвать системообразующим историографическим фактором. Именно эмиграционные волны есть то, что исследуется российскими и зарубежными учеными как основной хромотипический объект.

До рубежа XX–XXI вв. большинство исследователей и публицистов вели отсчет волн эмиграции с Октября 1917 г. Очевидно, на жесткую «привязку» большинством историков датировки волн эмиграции к Октябрьской революции повлияло то, что советскими историографами вся история Отечества была поделена на два периода, разделенных этой датой.

В 1990-е гг. вопрос о периодизации многими исследователями решался по-разному. В 1999 г. Ю. А. Поляковым была разработана схема, в соответствии с которой выделяются пять периодов истории российской эмиграции. К четырем традиционно выделяемым волнам XX в. добавлена еще одна, которую предложено считать первой: это годы массовой трудовой (крестьянской) эмиграции из бедных западных губерний Российской империи конца XIX – начала XX в. Такая периодизация встретила поддержку В. М. Селунской, Г. Я. Тарле и других московских исследователей. С целью избежания неразберихи при обращении к нумерации волн эмиграции, отсчитываемых с 1917 г., Г. Я. Тарле было рекомендовано каждый раз сопровождать номер той или иной послеоктябрьской волны указанием «постреволюционная».

Однако даже с учетом слабого развития миграционных процессов в России в первой половине XIX в. и того, что, по существу, право на эмиграцию было предоставлено царской властью лишь в 1905 г., было бы ошибкой предположить, что ранее рубежа XIX–XX вв. эмиграции из России не существовало.

По нашему мнению, отсчет истории российской эмиграции, в строгом смысле этого слова, необходимо вести с конца XVII в. (старообрядцы,

уехавшие за рубеж от преследований православной церкви и притеснения царских властей). Точные данные о численности первой дореволюционной волны в известной нам литературе отсутствуют, однако однозначно указывается, что случаи бегства за рубеж носили не единичный характер: счет шел на тысячи.

Согласно данным, приводимым в опубликованной в 1994 г. в энциклопедии «Народы России» статье С. И. Брука, с конца XVIII в. усилился отток за границу представителей отдельных этносов, национальные и культурные интересы и устремления которых ущемлялись царскими властями (крымские татары, ногайцы, поляки, народности Кавказа). Эту миграцию мы предлагаем расценивать как вторую дореволюционную эмиграционную волну.

Первая половина XIX в. отличалась сравнительно слабым развитием миграционных процессов. Эмиграции населения до 1830-х гг. почти не происходило. Однако с 1830-го по 1861 г. число покинувших Россию крымских татар, ногайцев и поляков превысило 220 тыс. чел. – третья дореволюционная волна эмиграции из России.

Отмена крепостного права резко увеличила подвижность российского населения. Эмиграцию в пореформенные годы до начала войны в Европе представляется нам оправданным считать одной эмиграционной волной – четвертой дореволюционной в истории России.

Итак, в истории дореволюционной эмиграции следует выделять не одну, а четыре волны эмиграции, хронологические рамки которых и, в особенности, количественные параметры нуждаются в уточнении.

В истории российской послеоктябрьской эмиграции правильнее говорить о трех, а не о четырех волнах: 1917–1938 гг. – первая волна, вызванная революционными событиями и Гражданской войной; 1939 г. – конец 1950-х гг. – вторая, обусловленная преимущественно событиями Второй мировой войны; 1960–1990-е гг. – третья, имеющая в своей основе главным образом неудовлетворенность советских (российских) евреев своим положением и нерешенность проблемы обеспечения прав российских немцев, в первую очередь восстановления национальной автономии в Поволжье. При этом важно помнить, что эмиграция конца 1980–1990-х гг. – понятие более размытое, нежели эмиграция предыдущих волн. Очевидно, что сейчас, когда россияне получили возможность свободно выезжать за пределы страны, не теряя гражданства, и возвращаться по личному желанию, эмиграция как массовое явление уходит в прошлое.

УДК 316.75

Реутов Евгений Викторович,

кандидат социологических наук, доцент, reutovevg@mail.ru,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

НОРМАТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: Рассматривается нормативность как компонент социальных отношений.

Ключевые слова: Норма, традиции, инновации, межпоколенческие отношения.